

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

ПРОЗА

1807—1811 годов

КНИГА 2

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ДЕСЯТЫЙ
ПРОЗА
1807—1811 годов
КНИГА 2

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2014

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 14-04-16037

Ж 86 **Жуковский В. А.**

Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Э. М. Жилиякова, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 10. Проза 1807—1811 гг. Кн. 2. / Ред. И. А. Айзикова. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 832 с.

ISBN 978-5-9905856-3-8

Полное собрание сочинений и писем В. А. Жуковского впервые в эдичионной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

Том 10 содержит оригинальные и переводные прозаические тексты, опубликованные В. А. Жуковским в 1807—1811 гг. на страницах журнала «Вестник Европы». Произведения сопровождаются подробным текстологическим, историко-литературным и реально-историческим комментарием.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

ISBN 978-5-9905856-3-8

9 785990 585638 >

© И. А. Айзикова. Редакция тома 10, 2014
© Языки славянской культуры, оригинал-макет, 2014

ПРОЗА

1807—1811

ГОДОВ

О СЧАСТИИ

Счастливые люди, говорит Рошфуко, никогда не исправляются; они до тех пор не перестанут почитать себя правыми, пока фортуна будет благоприятствовать их дурным поступкам¹. Такое заблуждение, надобно признаться, весьма естественно. Спрашиваю, однако, должно ли признавать существенною сию случайность, которая вообще называется *счастьем* или *несчастьем*? Посмотрите на двух игроков, которые в продолжении целого года играют каждый день в пикет². Тот из них, который лучше знает игру или имеет более осторожности, остается конечно при конце года в выигрыше.

Выигрыш в лотерею есть счастье, но проигрыш должен ли почитаем быть несчастьем? Сколько людей, которые бранят судьбу за то, что им достался 7 №, и которые, конечно, благословляли бы ее, когда бы удалось им вынуть 6-й! И виновата ли судьба, что они понадеялись сделать свою фортуна тем, а не другим номером, тем, а не другим поступком, тем, а не другим расчетом? Послушайте этих господ: один будет вас уверять, что если бы не противилось ему счастье, то он, по тесной связи своей с министерством юстиции, был бы непременно наименован главнокомандующим армии; другой проповедует, что его дарование преподавать детям географические уроки всем известно, и что он без сомнения, при большом счастье, заступил бы место министра финансов.

Я жалкий человек:
Старался целый век
Гоняться за чинами;
Сравняться с богачами
Роскошными хотел;
Потом с мечтой простился,
И честным быть решился...
Ни в чем я не успел!³

Вот история весьма многих людей. Один желает быть человеком искусным, и ничто ему не удастся! От чего же: способы его самые верные; все приготовлено лучшим образом; минута выбрана самая благоприятная: чего же не достает ему? Безделицы: искусства пользоваться обстоятельствами. В делах, говорит Вовенарг, мы вычисляем препятствия, происходящие от вещей посторонних, и забываем о тех, которые от нас самих проистекают⁴. Один уверен, что в некоторых случаях самое действительное средство есть смелость и отважность; он презирает робких. Мы все теряем от нашей слабости, говорит он. Никакое препятствие не страшно ему, никакая опасность не может его остановить; все превозносят его неустрашимость и мужественную деятельность; и в самом деле, его предприятие соединено с опасностью чрезвычайною, но он решился его исполнить; он действует неумолимо; и в минуту исполнения вдруг теряет и силу и мужество; он разбежался, чтоб прыгнуть через ров, и остановился на самом краю его.

Другой решился войти в сношение с человеком случайным; он должен непременно к нему приблизиться, должен приобрести его благосклонность: сколько забот, какое искание, какими излучистыми путями идет он к своей великой цели! Как он искусен, говорят люди, которые смотрят на вещи издалека; он должен иметь во всем удачу! И в самом деле, ему наконец удалось: он приблизился к тому человеку, который ему нужен, приблизился и не понравился! Кто бы мог это вообразить?

Другой ограничивает свое честолюбие успехами в кругу женщин. Наука нравиться известна ему в тонкости. Он мог бы, по нужде, давать уроки самому опытному прелестнику, и, несмотря на то, подобно актерам, которые преподают теорию трагической декламации, а сами играют только в фарсах, он был бы освистан, когда бы вздумал с своими правилами явиться на сцену.

Я видел человека, который знаком был с жизнью по одной только теории: каждый его шаг определен был каким-нибудь правилом и ознаменован какою-нибудь глупостию. Он имел тяжбу. Размышляя о средствах, которые надлежало употребить, чтобы ее выиграть, он сказал самому себе: *самолюбие — слабейшая сторона каждого человека*, и начал поступать согласно с сим правилом, впрочем, весьма не новым. Один из его судей, чрезвычайно безобразный лицом, был очень ревнив; он восхищался любезностию жены его и красотою его детей. Другой имел кучу долгов; он вывел его из терпения, хваля без памяти ту землю, которую дня через два, по требованию заимодавцев, надлежало продать с молотка. Пришедши к третьему на свадьбу, он целые три часа рассуждал о знатности его происхождения, а невеста его была дочь богатого мещанина. В то же время старался он понравиться одной жен-

щине, имевшей более тридцати лет: что же? Он вздумал в ее присутствии утверждать, что можно любить одну только *пожилую* женщину; что молодость совсем не украшение; на другой день ему отказали от дому, и в то же самое время проиграл он свою тяжбу. Он никогда не хотел ездить верхом, не узнав наперед законов равновесия и движения; уроки экспериментальной физики предшествовали урокам в манеже; наконец он решился вложить в стремя свою ногу, но, по несчастью, в ту минуту, когда повторял в голове уроки о равновесии и движении, лошадь стала на дыбы и физик, слетевши с седла, треснулся о камень головою, вывихнул ногу и после, хромя, восклицал повсюду: о несчастие, несчастие! Напрасно; ему надлежало бы говорить: о неловкость, неловкость!

РАЗГОВОР СЕН-РЕАЛЯ, ЭПИКУРА, СЕНЕКИ, ЮЛИАНА И ЛУДОВИКА ВЕЛИКОГО

*Эпикур*¹. Мне сказывали некоторые тени, что вы имели намерение написать книгу о том, какую странною славою пользуются многие знаменитые люди, древние и новые. Я с своей стороны мог бы служить для вас примером...

*Сен-Реаль*². Примеры бесчисленны. Здесь в один день узнал я множество самых удивительных. То представляется вам королевский духовник, который уверяет, что успех сражения, прославившего такого-то генерала, принадлежит единственно ему. Здесь видите поэта, который требует, чтобы ему возвратили комедию его сочинения, уступленную им за четыре луидора актеру. Там неизвестный автор третьего века жалуется на писателей осьмнадцатого, приобретающих на счет его славу, присвоив и распространяя собственные его мысли. Я видел французского маршала, который, уклонившись от суеты мирской, признается, что маршальским своим жезлом обязан решительному поступку одного офицера, которому не достался даже и крестик с. Лудовика³.

Эпикур. Не смею ни с кем себя сравнивать, а еще менее кому-нибудь себя предпочитать; надеюсь, однако, что вы не смешаете меня с теми мертвыми, которые пользуются славою, совершенно им приличною. Эпикур имеет право...

Сен-Реаль. Как, милостивый государь, вы Эпикур, философ Эпикур, которого без всякого основания называют проповедником сластолюбия?

Эпикур. Так точно, любезный Сен-Реаль! Я родился в маленьком городке Аттики; жил несколько времени в Афинах; заметил, что богатство было несчастием всех людей, не способных им пользоваться, как

бы надлежало; что некоторые должны бы были говорить: я богат, так как они говорят: я в лихорадке, у меня колика. Я понял, что самое верное средство быть счастливым есть согласоваться с натурою, и заключил себя навеки в маленьком городке, моей родине. Там жил я чрезвычайно умеренно: ел один хлеб и пил одну воду; наслаждался здоровьем, ясностию ума, спокойствием духа и часто ходил во храм Юпитера благодарить его за то, что он указал мне такую простую и верную дорогу к счастью. Одному гражданину вздумалось удивиться моему присутствию в храме, и с той минуты прослыл я безбожником, проповедником безбожия. Я возвратился в маленький уголок свой, решившись твердо скрываться во всю жизнь; таково было главное мое правило. Я следовал стоической морали Эпиктета⁴, но имел, однако, глупость утверждать, что быть здоровым гораздо лучше, нежели иметь подагру или зубную боль. Я имел одного только ученика, Метродора⁵, которого упрекал за его пышность: он тратил каждый день полтора обол⁶. Можно жить одним обол⁶, писал я к нему из своего уединения. Мы были счастливы и говорили, что знаем истинное насаждение. Я умер, и никто не знал, был ли когда-нибудь Эпикур на свете. Ученик мой, Метродор, сообщил некоторым из своих учеников полученные им от меня письма, в которых я говорил о наслаждении, то есть об умеренности и бескорыстии. Что же вышло? Богатейшие люди республики, украсив себя именем эпикурейцев, вздумали давать Лаисам и Фринам⁷ обеды, на которые издерживали по двадцать пяти мин⁸: они называли себя последователями моей философии, и глупые люди им верили.

Сен-Реаль. Я часто, думая о вас, господин Эпикур, называл судьбу несправедливою; часто приходило мне в голову представить в настоящем смысле ваше учение и вашу нравственность. Но какая была бы вам от этого польза? Десять, двадцать рассудительных людей стали бы думать о вас с большим уважением, но толпа осталась бы для вас толпою; тяжесть двадцати веков обременяет и вечно будет обременять вашу славу. Будь ваше учение столь же чисто, как небесная истина, никогда не перестанут говорить: *Эпикурова трава* и с именем эпикурейца смешивать имя сластолюбивого развратника! Но позвольте спросить, не знакома ли вам эта тень, которая к вам приближается и хочет, конечно, прервать приятный наш разговор?

Эпикур. Это также философ, очень обиженный людьми в рассуждении своей славы; это один из самых ревностных стоиков, соединивший учение Зенона⁹ с моим; короче: это Сенека¹⁰.

Сенека. Так, это я, Сенека, товарищ Бурра в воспитании сына Энобарбова¹¹; я, которого почитают корыстолюбивым, потому что пышная

благодарность моего воспитанника окружила меня сокровищами¹², которые никогда не приближались к моему сердцу. Я несколько времени был губернатором области, где прекратил разорения и хищничество подчиненных моих¹³, которые без сожаления расточали государственные доходы: что же? Никто не захотел отнести поступков моих к намерениям, согласным с отечественным благом. Некоторым остроумцам пришло в голову сказать, что я пишу против богатства на золотом столе; враги мои обрадовались сей клевете... но истинно то, что я проводил всю жизнь весьма умеренно; большую часть времени посвящал мыслям, чтению книг или сочинению; остаток разделял с друзьями. Пища моя состояла в хлебе и воде. Всем известно, что я отказался от трона, к которому народная любовь открывала мне дорогу, и что моя смерть вскоре последовала за отказом¹⁴; при всем том философская моя слава совсем не надежна, и весьма немногие уважают меня как писателя¹⁵.

Сен-Реаль. Ах, господин Сенека, очень сожалею, что не успел написать моей книги; вы бы играли в ней важную роль. Что ни говори, но ваша похвала заключена в сочинениях ваших; вы изобразили себя нельстивою кистию: ваши письма содержат в себе полный трактат морали¹⁶, написанный искусным пером оратора-философа. Вопреки вашим врагам, я уверен, что философия ваша не в одних словах, но также и на деле. Могли бы подумать, что вы не были чувствительны к своему изгнанию, когда бы не существовала ваша книга *об утешении*, писаная вами к матери¹⁷, где ясно мы видим, что вы должны были вооружиться всеми силами рассудка и мужества для перенесения разлуки с своими любезными. Вы доказали, что большая часть человеческих несчастий есть только необходимость действовать рассудком своим сильнее, нежели другие люди; сочинение ваше оживлено пламенем великого ума и сильного чувства. Корсика ожидала изгнанника; но в сей бесплодной стране явился мирный рассматриватель природы. Некоторые важные истины были вами почти открыты; например: вы изъяснили довольно хорошо теорию равновесия жидкостей¹⁸, и при всем том, несмотря на добродетели и дарования ваши, господин Сенека, несправедливый свет утверждает, что вы в поступках несогласны были с своими правилами, а в физике имеете самые поверхностные знания; некоторые писатели осмеливаются даже вас сравнивать с членами провинциальных академий, не имеющими ни вкуса, ни сведений; не смех ли это?

Сенека. Для меня все равно, иметь славу или не иметь ее! Но иметь дурную славу очень больно, и я всегда старался избавить себя от такого несчастья.

Сен-Реаль. Я, кажется, довольно хорошо заметил некоторые причины той несправедливости, которую оказали вам и современники, и потомки. Извините мою искренность, господин Сенека: я говорю с философом, следовательно, должен выражаться свободно. Излишняя надутость и, можно сказать, великолепие вашей морали, некоторая натяжка в вашем красноречии, презрение к людям, слишком явное, все это, конечно, вооружило против вас некоторых из современников. Вы слишком мало старались привлечь их на свою сторону и дать им почувствовать, что они для собственной пользы своей должны были называть вас человеком великим. Они в добродетелях ваших искали и не находили семени противоположных им пороков: это прибежище необходимо для большей части людей. Но должно признаться, что вы имели и почитателей усердных, несмотря на то, что жили в ужасное время злодея Нерона. Рим с восхищением принял последнее ваше завещание, сказанное в минуту смерти¹⁹, и истинные мудрецы всех веков будут единодушно признавать вас прямым философом, красноречивым писателем, который имел обширный ум, чувствительную душу, которого сочинения должны быть почитаемы сокровищем великих и полезных мыслей. Они, по моему мнению, могут сравниться с обширным лесом, в котором ни одно дерево не заметно, потому что все равны вышиною.

Сенека. Могу ли надеяться и желать лучшей славы? Я давно писал к Луцилию, сообразуясь с Эпикуром: мы друг для друга театр довольно обширный!²⁰

Сен-Реаль. Вот еще приближается к нам какая-то незнакомая тень. Я никогда не имел удовольствия видеть ее в лицо. Кто она, не знаете ли, государи мои?

*Лудовик Великий*²¹. Ах, Лудовик Великий совсем неизвестен в этих местах, и славное титло не сохранило его от забвения.

Сен-Реаль. Лудовик Великий, забытый, в неизвестности!²² Король, создавший самого себя!²³ Король, который при жизни еще кардинала Мазарина писал к графу д'Эстраду: *пишите ко мне на имя Лионна*²⁴: *хочу все делать сам собою*; который первый ужаснул Европу бесчисленными войсками²⁵, и в два года сотворил флот, составленный из ста кораблей; который со славою выдержал войну против целой Европы²⁶; который заставил цвести науки, искусства и торговлю; который наградил пенсионами всех ученых²⁷, кроме одного меня; который был велик в войне, мире, счастья и несчастья!

Лудовик Великий. Я не писал к графу д'Эстраду; я никогда не покрывал морей кораблями; я никогда не вел войны со всею Европою, а только против воли сражался с некоторыми беспокойными соседями; я знал, несмотря на совершенное невежество моих современников, что славно

покровительствовать искусствам; я наградил пенсионерами нескольких профессоров греческого и латинского языков; я сделал счастливыми подвластные мне народы: я Лудовик Великий, венгерский и польский король²⁸!

Сен-Реаль. К стыду моему признаюсь, что имя Вашего польского величества несколько изгладилось из моей памяти. Теперь я вспомнил: не правда ли, что вы царствовали в исходе четвертогонадесять столетия?

Лудовик Великий. Точно так, и современники именовали меня Великим. Многие почтенные люди достались в добычу забвению, это правда, но, по крайней мере, им никогда не давали такого прозвания, которому надлежало бы предохранить их от сего жребия. Мне одному суждено иметь титул Великого и быть неизвестным.

Сен-Реаль. Но вы достойны сего прозвания. Память ваша была благословляема несколько времени после вашей смерти; вы несчастливы тем, что веки последовавшие не признали вашего времени веком величия. Быть может, что люди исправят понятие свое о славе, и тогда сколь много так называемых героев должны потерять свое мечтательное сияние! Человеческая несправедливость будет судить их согласно с предрассудками, противными тем, с которыми они сами согласовались в своих действиях. Такова судьба героев славы! Театр ее обширен, но он легко может разрушиться; театр добродетели ограниченнее, но он незыблем. Говорю философам и монархам: ничтожность мыслей и славы человеческой вам известна. Я хотел судить о славе и управляющем ею случае: заблуждение смешное. Сочинения мои были уважаемы, а сам я остался в неизвестности! Я прожил нищим во время государя, покровителя наук и ученых. И настоящее мое имя, и время, и место рождения моего никому не известны. Я... но, милостивые государи, смотрите, какое множество теней! Они помешают нашему разговору; удалимся в эту лавровую рощу: там будем наслаждаться уединением и тишиною.

Шанфор

УГРЮМЫЙ ОТВЕТ НА ЛАСКОВЫЙ ВОПРОС

Отчего вы перестали писать, спросил у меня один приятель.

От того, отвечал я, что публика, имея самый испорченный вкус, старается только унижать и порочить людей с талантом.

От того, что всякий благоразумный человек должен действовать с целью, а я уверен, что успех не принесет мне никакого удовольствия, тогда как неудача может огорчить меня весьма много.

От того, что я не намерен лишать себя покоя в угодность обществу, которое кричит: *зававляйте меня!*

От того, что публика поступает с писателями не иначе, как прусаки с своими рекрутами, которых в первый день поят допьяна, а после бьют палками и принуждают довольствоваться десятью ефимками годового жалованья.

От того, что мне говорят: работайте! Точно с таким расположением, с каким подходят к окну, надеясь увидеть на улице итальянца с пляшущими собаками или цыгана с медведями.

От того, что я боюсь умереть, не живши ни одной минуты.

От того, что надобно трудиться и что успехи съедают много времени.

От того, что я не хочу походить на писателей, которые походят на ослов, грызущихся и лягающих друг в друга перед пустыми яслями.

От того, что я предпочитаю уважение некоторых честных людей нескольким похвалам, нескольким рублям, множеству оскорблений и миллиону клевет.

От того, что, по словам Бакона¹, спокойствие никогда не бывает спутником славы.

От того, что свет принимает участие в таких только успехах, которых не уважает.

От того, что я хочу нравиться только тем, которые со мною сходны.

От того, что я имел случай замечать за всеми славными людьми моего времени: все до одного мучились страстью славы; все до одного были ее мучениками, и все, наконец, от лишней привязанности к сей химере унизили моральный свой характер.

ОТКРЫТИЕ, СДЕЛАННОЕ ЖЕНЩИНОЮ

С тех пор, как создан свет, женщины стараются пленять мужчин, мужчины стараются пленять женщин — те и другие желают найти вернейший способ, как сделать друг друга счастливыми, но по сие время тайна сия не была еще никем открыта.

Покажите мне мужчину, который в своем воображении никогда не представлял бы женщины, одаренной всеми совершенствами, в образец той, которая некогда должна овладеть его сердцем! Покажите мне женщину, которая в каком-нибудь идеальном герое романа не обожала бы своего будущего любовника, которая бы тысячу раз не думала о качествах человека, достойного быть ею любимым.

Одна желает, чтобы он имел сильную страсть, был страшный ревнивец, страшный тиран; чтобы он, сделавши ее совершенно несчастною,

наконец принудил бы ее увериться, что она единственный предмет его безмерной страсти.

Другая ищет в своем любовнике чувствительности нежной и тонкой, желает вместе с ним теряться в мечтах платонизма; говорить с ним о чувствах, раздробляет каждое движение сердца, старается объяснить в пользу любви каждый взгляд, каждое изменение лица, каждый вздох, каждое слово.

Третья, более тщеславная, более желающая повелевать, нежели чувствующая необходимость любить, ищет в любовнике своем души спокойной, тихой и покорной; она хочет властвовать им неограниченно, требует от него жертвований ежеминутных, но забывает, что такое самовластие может и самые сладкие узы любви сделать тягостными, даже противными.

Чего же искать нам в любовниках наших — воскликнут женщины — когда ни сильная страсть, ни тонкая чувствительность, ни совершенная покорность со стороны их не могут быть почитаемы важными свойствами, не могут доставить нам полного счастья! — Чего нам искать? Лени! Так, милостивые государыни, лени! Желайте, чтоб лень, которую, Бог знает почему, называют недостатком ужасным, была главною страстию ваших любовников; пускай не даст она в них места ни чрезвычайному честолюбию, ни страстной любви к наукам, ни сильному стремлению к удовольствиям; пускай желания любезного ленивца, какого бы ни были они рода, ослабевают при малейшем препятствии; пускай находит он женщин с первого взгляда любезными, даже достойными его привязанности, но в ту же минуту пускай чувствуют в сердце своем, что удовольствие им нравится не стоит того великого труда, с которым оно бывает приобретаемо; пусть любит он свет довольно много, чтоб забавляться умом других, и довольно мало, чтобы самому лениться говорить; пускай дозволяет вам иногда себя оживлять, собою заниматься, выставлять свои достоинства наружу, чтобы вам же быть благодарным за свой успех: вот человек, которого вы должны любить, которым должны быть любимы! Но, скажут мне, чтоб быть любезною такого ленивца, надлежит самой его найти, предупредить его желания, уничтожить те препятствия, которые воспаляют других, а его, без сомнения, при первом шаге бы отдалили. Согласна, что весьма трудно сохранить средину. Что же делать? Не смешивать равнодушие с ленью, не позволять себе обманываться их наружностию, впрочем, весьма сходною. Но мое намерение — не подавать советы, а только сообщить открытие, которым пускай воспользуется тот, кто может. Хочу показать женщинам, что есть для них средство быть счастливей в той игре, в

которой они обыкновенно теряют так много, может быть, единственно от того, что слишком отважны или слишком многого требуют.

Итак, милостивые государыни, человек, ленивый до страсти, есть, по моему мнению, любовник совершенный: смело отвечаю за каждого мужчину, имеющего сей недостаток или сие качество — нет нужды до названия. Но, скажут мне, по вашему утвердительному тону можно подумать, что вы говорите о самой себе? Вы отгадали! Я знаю по опыту все преимущества лени в любовнике; я люблю очень нежно и, что всего важнее, очень давно, любезнейшего ленивца на свете. Лениость его служит единственно к моему удовольствию: всю жизнь проводит он в жертвованиях, которых не требую, и за которые не менее того остаюсь ему благодарна. Например, не должна ли я быть ему много обязана, когда он решается оставить свой камин и свои большие кресла и берет на себя труд прийти ко мне на несколько часов, вместо того чтобы сидеть дома поджавши руки, погруженный в мечты, преданный сладостному *Far niente** италианцев? Видя его у себя, я уверена, что он забудется, просидит со мною долго — уверена не потому, что имею любезность, сокращающую время, но потому, что мой любезный никак не решится променять одно место на другое, хотя бы и лучшее; не потому, чтобы я почитала себя любимую им предпочтительно перед всеми другими женщинами, но потому, что лениость удержит его там, куда привело его удовольствие. Заметьте мимоходом, что всякой любовник-ленивец должен иметь столько же ума, сколько имеет и мой, чтоб быть привлекательным и любезным: без этого небольшого преимущества слабость его может произвести в вас одну скуку и не доставит вам никакого счастья. Но возвратимся к другим его совершенствам. Он может быть иногда неверным, но почти не имеет возможности быть непостоянным; для него прелесть заблуждения прекращается скорее, нежели для другого; и в ту же минуту, когда удовольствие исчезает, он пугается новых обязанностей и спешит возвратиться к старым, которых истинное преимущество состоит в том, что он может принять их на себя, не будучи снова принужден заботиться быть искательным, беспокоить себя неверною надеждою. Думаю, что я хорошо доказала выгоду лениости в любви; остается сказать, какие средства необходимы, чтоб сохранить надолго любовь ленивца. Средства сии самые лёгкие: не будьте страстны, а только нежны, ибо нежность есть мера его чувства; будьте веселы, а не ветрены, ибо он требует, чтобы его забавляли; искусны, а не хитры, чтобы иногда заставить его сделать то, о чем бы он и не подумал, если бы вы не взяли на себя труда вселить в него желания.

* *Far niente* (*ит.*) — ничегонеделание, праздность.